

Аркадий АРКАНОВ:

«САТИРИК ДОЛЖЕН

СОЗДАВАТЬ АНТИГИМНЫ»

Он терпеть ненавидит словосочетание «писатель-сатирик». И считает при этом, что сатирик должен всегда находиться в оппозиции к власти предержащим. Когда в 1978 году по радио «Свобода» и по «Немецкой волне» передали его рассказы из «МетрОполя» («И снится мне карнавал» и «И все раньше и раньше опускаются синие сумерки»), друзья Арканова не знали, поздравлять его или сочувствовать.

— Участие в «МетрОполе» я считаю для себя счастливым везением. Благодаря ему я впервые почувствовал собственный вес. Благодаря ему в 1979 году в Париже был опубликован сборник моих лучших новелл на французском языке. Но если до «МетрОполя» меня иногда выпускали в Болгарию (только в Болгарию!), то после «МетрОполя» до 1989 года мне и Болгария была заказана.

— Аркадий Михайлович, если вам не нравится определение «писатель-сатирик», то как прикажете вас именовать: писатель, работающий в жанре сатиры?

— Я всегда задавал себе вопрос: почему не говорят писатель-баталист, писатель-маринист или, к примеру, писатель-пейзажист, который владеет словом так, что его — это слово — можно почувствовать, даже понюхать. У Бунина, у Паустовского ведь каждое слово пахнет. И что — это писатели-пейзажисты?

Писатель может работать в каком угодно направлении, в том числе и сатирическом. Сатира — очень серьезный, глубокий жанр. Он может быть и в поэзии, и в драматургии, даже в живописи. Но если сатирическое произведение написано не писателем, то это не литература, а просто некая сатирическая штучка. Есть потрясающие рассказчики, которых в застолье можно слушать целыми днями, но никому ведь не приходит в голову их записывать.

— Все мы прекрасно помним, что подразумевалось под словом «сатира» в советское время. Парадокс заключался в том, что многие писатели, именующие себя сатириками, совершенно замечательно при этом жили. Более того, один из них был автором гимна.

— Я люблю и безмерно уважаю Сергея Михалкова как прекрасного поэта и уникального человека. Но тем не менее это нонсенс, что главный редактор журнала «Фитиль» написал «Гимн Советского Союза». Задача для меня лично невыполнимая. При всей моей любви к России и желании создать для нее достойный гимн. Это не моя стезя. Я иначе организован. Сатирик должен создавать антигимны, всегда. В самом хорошем и глубококом смысле слова. «Сатира очень часто восстанавливает то, что уничтожил пафос», — сказал когда-то польский философ и прекрасный афорист Станислав Ежи Лец. Это очень тонкое определение. Так вот, сатирик призван восстанавливать то, что уничтожил гимн.

Человек, который пишет сатирические произведения, не может быть обласкан властями. Людям — да, но властью не должны гладить его по головке.

— Помимо всеми признанных ангажированных представителей сатирического жанра были в годы застоя авторы, которые все же как-то умудрились не укладываться в прокрустово ложе.

— Да, но максимум, что они могли себе позволить, — опубликоваться в каком-нибудь уголке сатиры и юмора под названием «Колючка», «Дикобраз» или «Острым пером». В журнале на последней страничке, в газете — на последней полосе. Фразочки там, эпиграммы, байки, анекдоты, иногда литературные пародии, которые, кстати, к понятию сатира не имеют никакого отношения.

К сожалению, эти уголки привели к тому, что авторы, сочиняющие для эстрады, тоже стали называть себя писателями. Хотя эстрадная драматургия — вещь особая. И в принципе не имеющая ничего общего ни с литературой, ни с драматургией, как таковой.

— Был на вашей памяти какой-нибудь период в истории страны, когда сатирику жилось бы как-то особенно весело?

— Вы хотите сказать легко? Не было, да и не могло быть по определению. Ему и должно быть тяжело в любой общественной формации, в любой исторический период. Важно при этом, что сатира не должна превалировать. Если не будет позитивного начала, то страна превратится в сумасшедший дом: все смеются, хохочут, указывают друг другу пальцами на недостатки. И никто ничем не занимается. Увы, сегодня мы зачастую оказываемся в подобной ситуации, когда наш дом — дурдом. В советский период был перекоз в другую сторону: сатира подавлялась патетической идеей.

— Зато вот уж порадовалась страна, когда Михаил Задорнов поздравил ее с Новым годом! Сатирики конкурируют с политиками, ну а те в долгу тоже не остаются. Нет конкурентов ни Жириновскому, ни Зюганову, ни Доренко, ни Березовскому. В театр ходить не нужно, включи телевизор, причем любой его канал, и наслаждайся, от расвета до заката. И на чем теперь держаться жанру?

— Разумеется, и литераторам, и актерам разговорного жанра хочется по-прежнему оставаться на плаву. Есть только один способ переплюнуть радио, телевидение и газеты — бить ниже пояса. Это губительный путь, но по нему сегодня отправились очень многие.

Раньше, когда все было нелезя, авторы искали литературную форму подачи и преуспевали в этом. Ну а сейчас перед нами зачастую застывший студень на большом блюде. Унесите, мы это не заказывали! Мало кто задумывается о том, как бы лучше упаковать свою конфетку в

оберточку. Зачем? Содержания-то вокруг навалом.

— Если в годы застоя были легальные диссиденты, то ведь и нынче власти всю заигрывают с сатириками. Им явно приятно, что их имена упоминают со сцены, в газетах, даже в карикатурах. Яркий тому пример — «Куклы» Шендеровича.

— А когда речь пойдет о главном, вы, поверьте, получите такой же запрет и такой же пинок под зад, как и двадцать лет назад.

— То есть получается, что ничего и не изменилось?

— Раньше цензура была государственной. Сегодня она более конкретная и личная. Например, издатель, придерживающийся определенных взглядов, не опубликует вас, если вы идете вразрез с его убеждениями. Ангажированность издательства прослеживается достаточно четко. При этом возможно, что вас не только не опубликуют, но и начнут преследовать. Страшно подумать, чем это преследование может однажды закончиться. Выстрелом в подъезде. «Бывали хуже времена, но не было подлей». Какое уж тут веселье?

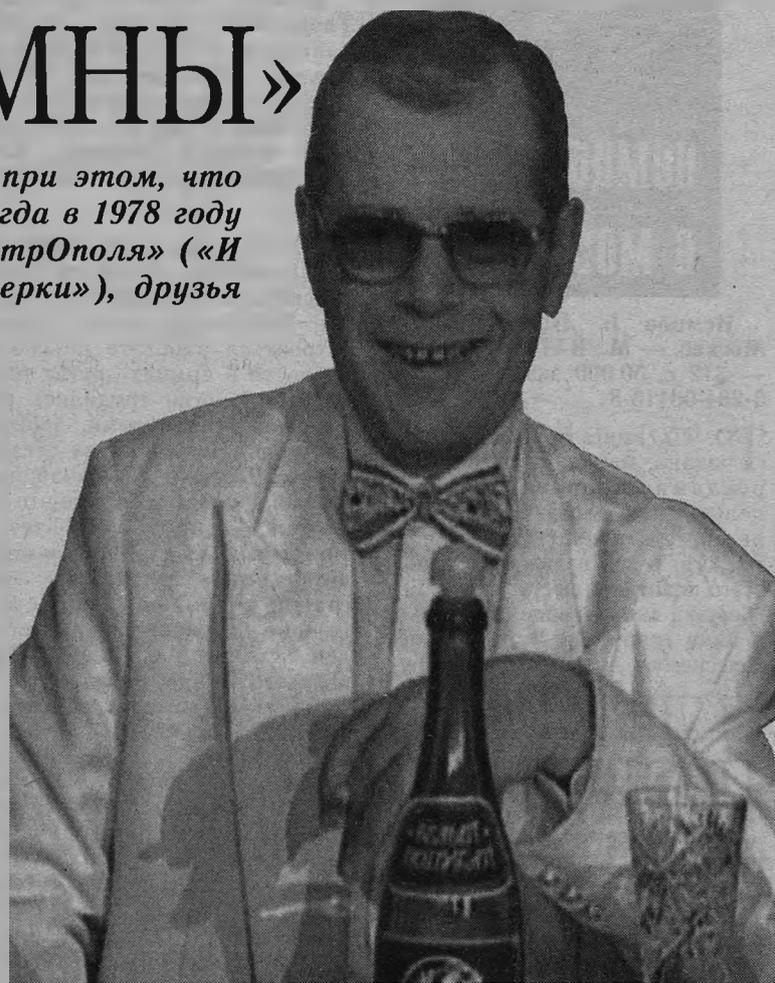
— Тем не менее, несмотря на то, что вы никогда не вписывались в генеральную линию и не были функционером, в 1968 году вас приняли в Союз писателей. И на сегодняшний день «невеселый» день у вас есть аж целых 13 книг и книжек (вы пишете об этом в «Некоем подобии автобиографии»).

— Первую книгу мы сделали вчетвером: Успенский, Камов, Горин и я. Она вышла в 1966 году и называлась «Четверо под одной обложкой». Вторая — совместная с Гориним — появилась через несколько лет: «Соло для дуэта». Всего за почти 25 лет (четверть века!) с 1966-го по 1990 год у меня издано четыре книги, и из них только две самостоятельно. Остальные напечатаны уже в последние годы. Так что публиковаться было трудно.

Сейчас появилось много частных издательств, но если они и берут написанное, то ничего особенного в материальном плане ждать от них не приходится. Счастье, если с автора ничего не возьмут. Коммерческие устремления некоторых издателей просто гигантские: вложив в тебя рубль, они хотят получить сто.

— Однако только в этом году у вас вышло три книги.

— Я благодарен тем немногим издательствам, которые печатают меня и не берут за это деньги: «Подкове», «ВАГРИ-УСу». Эти издатели — исключение из общего правила. Другое дело, что я знаю авторов, которых издают огромными тиражами. Но это уже определенный сорт литературы. Я, скажем, такие блины для ширпотреба — пусть даже очень вкусные — печь не умею.

— На Западе на самом деле те же процессы. Бестселлеры — и там не так уж часто литература высокого качества.

— Это своего рода быстрая духовная пицца — литературный макдональдс. Она дешевая, съел — и порядок. А прибыль большая — есть-то каждый день хочется. Изысканные произведения дорогие, не каждому по карману, да и не все в них разбираются. Как у нас, так и на Западе.

— Есть, на ваш взгляд, у нашей сатиры и юмора какие-то национальные особенности?

— Миша Жванецкий — я его обожаю — считает, российские юмор и сатира выше, чем западные. Почему? Потому что российская сатира социальна. На Западе люди совсем иначе живут. Кстати, уровень шуток на наших светских тусовках, в ночных клубах мало чем отличается от западного. Потому что вечеринки эти посещают люди, имеющие деньги. Им не нужны социальные напряжения. Я не считаю, что это плохо.

Чего не выношу, так это пофигизма. Когда ради красного словца не жалеют мать-отца — это цинизм. Я, например, совсем не против пародий на наших политиков, но когда, пародируя, делают акцент на врожденное пятно на голове, то иначе, чем глупостью и хамством, это не назовешь. Ну давайте тогда сделаем пародию на Зиновия Гердта и будем утрировать его хромоту. У меня у самого в школьные годы вырвалась шуточка — до сих пор вспоминать стыдно. Я играл в шахматы с парнем, у которого была одна нога (он попал под трамвай). И совершенно забыв о его несчастье, запел детскую песенку: «Хорошо тому живется, у кого одна нога: и ботиночек не рвется, и портяночка цела».

К сожалению, часто наши сатирики-юмористы бывают и безвкусны, и бестактны. А уж если вспомнить артистов разговорного жанра... Я не против того,

чтобы люди достойно жили и прилично зарабатывали. Если ты купил себе «мерседес» за 200 тысяч баксов — ради Бога, катаясь на нем. Но когда вокруг тебя столпились нищие, которые не могут собрать денег даже на велосипед, а ты в конце телепередачи садишься в свой роскошный лимузин и вот такой великий уезжаешь на нем, оставив всех вокруг в полном дерьме, — то это свинство по отношению к тем, кто на тебя сейчас смотрит. Можешь хоть жить в своем «мерседесе», но не суй мне его под нос, потому что этим ты меня унижаешь.

На Западе есть и богатые, и бедные люди, но такой дикой бестактности там не встретишь.

— В предвыборном спектакле вы каким-то образом принимаете участие?

— Я вне политических ангажментов. Но если меня попросит поддержать его кто-то из политиков, лично мне симпатичных (например, Борис Громов или Сергей Шойгу), то отказываться не стану, организую вечер для их избирателей. Хотя вообще все наши выборы — это игра, чудовищная, но совсем чистая оперетта. И влезать в этот шоу-бизнес, агитировать с пеной у рта я не собираюсь. Не дело это для человека творческого. Мое дело — писать честно и, по возможности, талантливо.

— И над чем вы в настоящее время работаете?

— В состоянии написания вторая часть моего романа «Рукописи не возвращаются». Книга эта отдельно еще не издавалась, первая ее часть была напечатана в журнале «Юность» в 1984 году, входила в сборники. У меня есть договор с издательством «ВАГРИУС», они должны издать обе части. Правда, я пока слегка затормозил, но думаю, что ненадолго. Скоро закончу буксовать и примусь за работу.

Беседовала
Евгения УЛЬЧЕНКО